

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС «НА МЕСТАХ» КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ФЕВРАЛЬ 1917 г. – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

На основе периодической печати, выходившей в Томске в период с февраля 1917 г. по декабрь 1919 г., а также архивных источников, анализируются действия региональной власти по решению продовольственного вопроса как одного из наиболее острых в социально-экономической среде. Рассматривается реакция населения на политику властей, выявляются особенности восприятия местной власти населением. Выделяются региональные причины неспособности местных властей решить продовольственный вопрос, что в значительной степени повлияло на устойчивость политических режимов в период революции и Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война; Сибирь; Томская губерния; продовольственный вопрос; региональная власть.

В переломный период развития общества, такой как революция и Гражданская война, привычные жизненные устои уходят в прошлое, им на смену приходит новый социальный порядок, социальные практики и институты. Именно в этот период особенно важны адекватные ситуации действия со стороны власти как центрального, так и местного уровня, чтобы не потерять контроль над обществом. В условиях революционных катаклизмов ключевым звеном государственной системы всех политических режимов, в том числе белых правительств Востока страны, являлся региональный уровень власти. Именно на уровне региона сосредоточивались наиболее острые политические и социально-экономические проблемы. Одним из наиболее серьезных вопросов, которые пришлось решать местной администрации в данный период, был вопрос обеспечения населения и армии продовольствием. Его срочность подчеркивал тот факт, что продовольственный кризис остро обозначился еще в период Первой мировой войны и во многом послужил поводом к революционным потрясениям.

Основной задачей власти на местах была мобилизация всех ресурсов общества для победы на полях сражений, а также нормального функционирования государственного аппарата. Вместе с тем правительству и его агентам на местах необходимо было оперативно реагировать на нужды населения. От способности местной администрации решить наиболее острые проблемы, обеспечить стабильное функционирование общества – его политических и социальных институтов, умения не потерять связь с населением – зависел успех политики режима в целом. Местные власти оказались на пересечении интересов: с одной стороны, было важно определить желания и нужды населения, с другой – стояла задача проводить политику центрального правительства, причем последняя зачастую менялась. В итоге деятельности власти на местах происходила своеобразная «притирка» политического курса к повседневной реальности. Успешность такой деятельности во многом влияла на отношение населения к существующему правительству. Сама же эффективность или неэффективность политики властей в условиях революционного и военного времени может быть определена по следующим критериям: быстрота реагирования на вызовы; гибкость к внешним условиям и строгая координация действия вла-

сти. В противном случае общество не чувствует способность власти решить как общенациональные, так и локальные насущные проблемы, перестает ее поддерживать, а зачастую начинает открыто сопротивляться.

Различные аспекты экономической и социальной политики небольшевистских правительств получили достаточно широкое освещение в исследовательской литературе, однако деятельность региональной власти в этих направлениях не была предметом детального изучения [1–4]. В данном исследовании автор ставит перед собой цель на основе анализа механизмов действий местной власти в сфере продовольственной политики и реакции на них населения определить степень эффективности властного аппарата на местах и выявить причины несостоятельности небольшевистских правительств.

28 февраля 1917 г. до Томска дошли известия о свершившейся в Петрограде революции и переходе власти к Временному правительству (ВП). Либерально настроенные круги города восприняли февральские события с одобрением. Закономерным считалось падение «изжившего себя правительства» и приход ему на смену революционной власти из народных избранников, положительно оценивался и состав ВП. Образованному в Томске новому органу власти – Временному комитету общественного порядка и безопасности – выражалось широкое доверие. Ситуация в сельской местности складывалась сложнее, это объяснялось тем, что информация до села доходила с большим опозданием и не всегда являлась достоверной. В целом смену правительства сельское население восприняло «вполне сочувственно». Можно говорить о том, что большинством населения губернии события февраля были встречены положительно. Все социальные группы хотели улучшения своего положения и связывали с новой властью большие надежды: «Народ с верою и надеждою смотрит в будущее» [5. 11 апр.], – писала томская общественная газета «Сибирская жизнь».

Основной задачей революционной власти ставилось восстановление нормального функционирования жизни, необходимого для мобилизации всех ресурсов тыла. Одной из первых и наиболее серьезных проблем, которую пришлось решать местной администрации, была проблема обеспечения населения продовольствием. ВП продолжило царскую политику по

расширению государственного регулирования экономики. Вводилась монополия на торговлю хлебом с установлением на него твердых цен [6. 7 апр.]. Для заведования продовольственным вопросом на местах предусматривалось создание продовольственных комитетов и их исполнительных органов – продовольственных управ – на губернском, уездном, городском и волостном уровнях. Вновь созданные органы находились в ведении Общегосударственного продовольственного комитета, который заменил собой Особое совещание по продовольствию. Основной задачей комитетов был сбор и распределение продовольствия. Наиболее важная роль отводилась комитетам волостного уровня, именно они являлись главным источником информации для уездных и губернских комитетов о положении продовольственных дел на местах. В задачи комитета волостного уровня входило определение у населения волости количества продовольствия, фуража и предметов первой необходимости, их заготовка и распределение, выяснение количества хлеба, необходимого населению для собственных нужд, и возможности по сдаче его государству.

Томский губернский продовольственный комитет был образован в апреле 1917 г. В его состав вошли представители губернского исполнительного комитета, губернского и городского народного собрания, военно-промышленного комитета, Советов рабочих, солдатских и офицерских депутатов, Союза торгово-промышленных служащих и других учреждений. Создание продовольственных комитетов на уровне уездов и волостей значительно затягивалось, что серьезно осложняло ситуацию со сбором хлеба. Тяжелее всего складывалась ситуация с комитетами волостного уровня. Инструкторы губернской продовольственной управы, посланные на места для помощи в организации комитетов, вынуждены были подолгу разъяснять населению деревни смысл хлебной монополии, что значительно тормозило выборный процесс. Серьезным препятствием в процессе создания комитетов волостного уровня был кадровый дефицит. В селах и деревнях зачастую не хватало грамотных людей, способных справиться с административной работой. Наблюдая такую ситуацию, губернские власти пытались сосредоточить рычаги контроля над продовольственной ситуацией в своих руках. На одном из заседаний губернского народного собрания, состоявшемся 26 апреля 1917 г., членом губернской продовольственной управы было предложено посылать в уезды комиссии по приемке хлеба. Задачей таких комиссий должно было стать ознакомление населения деревни с продовольственным кризисом и необходимостью помощи государству. Однако общим голосованием предложение не было принято. Вместо этого было решено командировать по уездам комиссаров для контроля за учетом и приемкой хлеба. Избрание комиссаров предлагалось осуществлять президиумам губернского народного собрания, губернского продовольственного комитета и совета солдатских и офицерских депутатов. После проведения выборов в мае по губернии было разослано 120 комиссаров. Однако позицию местных правящих кругов это не изменило.

Их интересы выражал губернский комиссар Б.М. Ган в своем выступлении на I Всероссийском продовольственном съезде в Москве в мае 1917 г. Он говорил о том, что «недемократические по своему составу продовольственные комитеты – губернский, уездные и городские – являются “непопулярными” среди масс и проявляют способность к работе только те комитеты, которые опираются на “широкую демократию”» [7. С. 43]. Вероятно, представители местной властной элиты полагали, что новые органы управления губернией – демократически избранные народные собрания – способны лучше выполнять продовольственные функции, обладая поддержкой и доверием населения. Однако подобные идеи не получили поддержки правительства.

Неорганизованность работы продовольственной системы в губернии осложняла сбор данных о количестве хлеба, серьезные проблемы отмечались и в процессе его заготовки. Нередкими были случаи, когда крестьяне отказывались сдавать хлеб по твердым ценам, которые были значительно ниже рыночных. Сдавая хлеб, крестьяне зачастую не могли приобрести промышленные товары из-за крайне высоких цен: «раздаются голоса, что если купцы и фабриканты не хотят уступать товара по дешевой цене, а нас заставляют хлеб отдать по твердой цене, так мы к ним за товаром не поедем, а они пускай к нам за хлебом не ездят» [8. 15 июня]. Деревня постепенно переставала поставлять хлеб в города. По данным Томской губернской продовольственной управы, «недельное поступление на пункты по всей Томской губернии (вместе с Алтайской) было: с 2 по 9 июля 78 286 пуд., с 9 по 16 июля 80 571 пуд., с 16 по 23 июля 25 562 пуда и с 23 по 30 июля 27 350 пуд.» [5. 12 сент.]. К зиме ситуация еще более осложнилась: «Покупка зерна и подвоз его в Томск в настоящее время почти не производится, так как крестьяне заявили, что они дадут муку только тогда, когда город снабдит их мануфактурой, железом и теми продуктами, которые необходимы для деревни» [Там же. 12 дек.], – писала в декабре 1917 г. «Сибирская жизнь».

В этот период отмечалось, в первую очередь, пассивное сопротивление деревни политике властей. Крестьянство зачастую прятало хлеб, также широко распространенной формой протеста против невыгодной ценовой политики в продовольственной сфере стало распространение в регионе винокурения (самогонварения). Лидером в этой области была Томская губерния, где в отдельных местностях, по данным информационного подотдела Особого организационного отдела Министерства продовольствия, наблюдалось «полное единение милиции и винокуров» [9. С. 55]. На местах действовали сложившиеся в период войны микропрактики, в первую очередь, «удобные» для населения. Осознавая неспособность центральной власти изменить ситуацию, население и представители местной администрации приспосабливались к сложившимся условиям, решали собственные проблемы. Бороться с этим правительство было не в состоянии. В то же время именно такое поведение агентов власти на местах значительно снижало авторитет правительства в глазах народа.

Тяжелее всего приходилось городу. В условиях практически не работающего механизма поставок из сельской местности городское население нуждалось в снабжении продовольствием. По данным официального печатного органа Томского временного комитета общественного порядка и безопасности «Голоса Свободы», осенью 1917 г. ситуация в городе обострялась следующим образом: «Печеный хлеб постепенно исчезает с рынка, становится уже значительной редкостью, а отсюда и ценностью. Дороговизна хлеба, а также других продуктов первой необходимости страшно поднялась; наибольшее и острое значение она имеет для нуждающихся студентов и курсисток, не томичей, которые иногда бывают вынуждены во все выехать из Томска» [6. 10 сент.]. Если хлеб и удавалось приобрести, то далеко не лучшего качества; так в письме губернского комиссара к городскому голове отмечалось следующее: «...до моего сведения дошло, что жители города заявляют о продаже ржаной муки из городских продовольственных лавок с подмесью песка. Прошу вас не отказать в срочном выяснении имеется ли в продаже в городских лавках ржаная мука с подмесью песка, к выяснению процентного соотношения песка к муке, если такая имеется, к срочному удовлетворению всех уже получивших такую муку соответствующим количеством доброкачественной муки, и к преданию суду лиц, виновных в продаже такой муки» [10. Л. 144]. Несмотря на строгость грозящего наказания, такие случаи не были редкостью на Томском рынке.

Обострение бытовых проблем приводило к резкому росту социального напряжения, жестокости среди горожан и усилению недоверия по отношению к власти. В конце сентября 1917 г. «Сибирская жизнь» писала: «В последнее время в связи с малой величиной месячного мучного пайка замечается волнение среди беднейшей части населения... Печеный хлеб почти исчез с рынка, пайка не хватает» [5. 21 сент.]. В ноябре 1917 г. хлеб из городской продовольственной лавки не могла получить даже губернская тюрьма. Начальник тюрьмы отмечал, что такое положение дел привело к тому, что тюрьма находится на грани беспорядков. «Фактически дело обстоит так: городская продовольственная комиссия разрешит мне отпуск муки на 1–2 дня, а иногда и больше, но публика, стоящая в очередях у продовольственной лавки не позволяет брать муку кулями. Стоящий там милиционер ничего не может сделать. Вот уже три дня я, таким образом, не могу получить муки для губернской тюрьмы. Беспорядки в тюрьме могут перекинуться и в город, в случае выхода заключенных, которых в губернской тюрьме имеется 350 человек и положение в городе тогда создастся еще более опасное» [10. Л. 231]. Данная проблема была решена за счет вмешательства губернского комиссара и применения экстренных мер. По его распоряжению губернская тюрьма получила муку из запасов воинских частей, однако такие меры не могли применяться повсеместно.

Правительство, вероятно, осознавало неработоспособность предложенного им варианта решения

продовольственного вопроса посредством децентрализации и демократизации органов власти. Можно отметить, что уже к концу лета 1917 г. центральной властью был взят курс на контроль продовольственной ситуации. 10–14 августа 1917 г. в Омске состоялся Учредительный съезд представителей губернских и областных продовольственных комитетов. На нем было утверждено Положение о продовольственно-экономическом краевом комитете Западной Сибири и Урала. Исполнительным органом комитета был избран краевой Совет, который располагался в Омске. В функции совета входило руководство заготовками и снабжением губерний Западной Сибири предметами первой необходимости, отправкой продуктов в нуждающиеся губернии, а также на фронт. Таким образом, вопрос распределения продовольствия переходил из ведомства губернской продовольственной управы и продовольственных комитетов на места в ведение коалиционного органа, который подчинялся напрямую Министерству продовольствия ВП.

Однако такие перемены были восприняты резко отрицательно органами общественного самоуправления на местах. На экстренном заседании городской думы, состоявшемся 21 ноября, председатель городской продовольственной управы А.Ф. Иванов объяснял такую реакцию невозможностью для управы более действовать в интересах губернии: «В настоящий момент у нас нет никакой уверенности, что губернская управа может обеспечить население хлебом и мясом, так как последняя отдала свое право распределения продуктов в Томской губернии краевому совету, находящемуся в Омске» [5. 23 нояб.]. Как утверждал Иванов все на том же заседании думы, «...краевой совет ведет свою собственную политику. Он говорит, что в России страшный голод и туда необходимо отправлять все имеющиеся здесь излишки запасов, что Сибирь еще может прожить и нужно больше внимания обращать на отправку в Россию запасов, чем снабжать здешние места». В сложившейся ситуации опасения городских властей вполне понятны. Местные торговцы и кооператоры, чьи интересы были представлены в органах власти, теряли выгоду от самостоятельной заготовки и распределения продовольствия, а также понимали, что передача полномочий по заготовке продовольствия в центр в скором времени приведет к «выкачиванию» хлеба из Сибири.

В ответ на опасения главы городского продовольственного комитета председатель губернской продовольственной управы говорил о том, что основной задачей краевого совета является координация деятельности всех продовольственных органов. Одну из причин продовольственного кризиса на местах глава управы видел в следующем: «Некоторые города, кричащие о своей ответственности, сами вносят деморализацию в организацию заготовок, и в губернскую продовольственную управу поступает целый ряд заявлений от продовольственных органов с мест, в которых жалуются на то, что агенты городской продовольственной управы, лица, приехавшие из Томска, получившие разрешение на право закупок вносят

только разлад в настроениях крестьян, что сплошь и рядом производятся закупки выше твердых цен, которые стараются провести в жизнь продовольственные органы на местах» [5. 23 нояб.].

Вмешательство государства в ситуацию с распределением хлеба, очевидно, было необходимо и неизбежно в сложившихся условиях. Такими мерами правительство решало свою первоочередную экономическую задачу – обеспечение продовольствием армии для продолжения войны. Также на решение властей повлияла очевидная неспособность продовольственных органов справиться с возложенными на них задачами. Большинство членов продовольственных комитетов совершенно не обладали опытом работы в экономической сфере, серьезным препятствием для работы послужил также их многочисленный и разнородный состав. Комитеты волостного уровня оказались самым слабым звеном в системе продовольственной политики ВП. В некоторых волостях к осени 1917 г. они либо не были созданы, либо работали не в полном составе, что значительно усложняло ситуацию со сбором хлеба. Так, например, еще в сентябре 1917 г. министр продовольствия обращался к губернскому продовольственному комитету Томска с требованием принять срочные меры к вывозу хлеба из сельской местности до начала осенней распутицы. В этом же письме министр отмечал следующее: «Объявите уездным и волостным продовольственным комитетам, что всякое вмешательство волостных комитетов в распоряжение губернского продовольственного комитета недопустимо и будет решительно прекращаться» [6. 23 сент.]. В этой связи необходимо отметить, что и сама местная государственная власть была вынуждена обращаться к централизованным механизмам решения продовольственного вопроса. Об этом свидетельствует учреждение должности комиссаров по учету и приемке хлеба, которые отправлялись в уезды и волости для осуществления контроля. Власти на местах пытались сосредоточить самый важный процесс – процесс заготовки продовольствия на губернском уровне.

Ставка на централизацию власти в продовольственной сфере была запоздалой и не имела должного успеха. К осени 1917 г. Правительство решительно теряло контроль над экономической ситуацией в стране. Доверие к власти окончательно сменилось пассивным сопротивлением ее политике. Большое значение в этой связи сыграла нерешенность продовольственного вопроса, одного из ключевых в политике ВП, наиболее обсуждаемого и острого для общества. Одна из основных причин несостоятельности продовольственной политики ВП заключалась в том, что ему не удалось выработать необходимый план антикризисных мероприятий и создать работоспособный продовольственный аппарат и установить контроль над ним.

В решении продовольственного вопроса правительство делало ставку на новые демократические органы – продовольственные комитеты. Однако эти органы себя не оправдали из-за своей многочисленности, разнородности, некомпетентности служащих и

кадрового дефицита. Все это определило дальнейший ход событий. Коренных мер в решении продовольственного вопроса и других социально-экономических проблем предпринять так и не удалось. Продолжение войны и нарастание кризисных явлений в экономике и обществе требовало принудительных и экстренных мер. Однако, до последнего избегая таких действий и делая упор на децентрализацию власти, ВП обрекало себя на провал. 6 декабря 1917 г. в Томске и уездных центрах установилась советская власть.

31 мая 1918 г. управление в Томске перешло к Западно-Сибирскому комиссариату (ЗСК) Временного Сибирского правительства (ВСП). Приход нового правительства в городской среде был встречен одобрительно. Горожане успели ощутить на себе большевистскую политику: национализация домов, конфискация имущества. В крестьянской среде, напротив, наблюдалась усталость от постоянной смены руководства и политических лозунгов. Крестьяне были далеки от политики, их в большей степени волновали насущные бытовые проблемы. Можно отметить, что к перемене правительства они в большинстве своем отнеслись безразлично. К тому же сибирская деревня не успела в достаточной степени познакомиться с большевистской властью (большевики не успели закрепить свою власть на сибирской периферии), а потому выступать резко против нее. Как отмечал в своих воспоминаниях управляющий делами Верховного Правителя и Совета Министров Российского правительства Г.К. Гинс, «Сибирь в своей основной массе большевизмом не заразилась. Он протянулся красной ленточкой вдоль линии железной дороги, не проникнув вглубь» [11. С. 51].

Пришедший к власти комиссариат, позже ВСП столкнулись с теми же социально-экономическими проблемами, что и их предшественник – ВП, однако они еще более обострились в связи с начавшейся Гражданской войной. Главным же предметом заботы государства оставалась армия, которая нуждалась в обмундировании и полном обеспечении продовольствием. Наиболее серьезные усилия правительству пришлось приложить к решению продовольственного вопроса, который по-прежнему оставался одним из самых серьезных и требующих экстренных мер.

Новые власти были вынуждены налаживать аппарат управления государственными заготовками и снабжением населения на новых условиях, отличных от тех, что были выстроены советской властью. Началось восстановление демократических продовольственных комитетов и их исполнительных органов – продовольственных управ. 10 июня 1918 г. при ЗСК был образован отдел продовольствия, 1 июля он был преобразован в министерство. Министерство продовольствия приняло делопроизводство от бывшего краевого продовольственно-экономического комитета Западной Сибири и Урала. Основная задача Министерства заключалась в регулировании производства, потребления и торговли продуктами питания, а также снабжении армии и населения. На него также возлагалось руководство деятельностью местных продовольственных органов, уполномоченных по заготовке

различных видов продукции, уполномоченным по продовольствию и снабжению. Штат уполномоченных комплектовался из местных государственных деятелей или же назначался «сверху». Правительство старалось делать упор на «старые кадры», людей опытных в сфере снабжения, однако кадровый дефицит серьезно сказывался в этой области. Значительная часть местных уполномоченных Министерства продовольствия оказалась людьми случайными, пришедшими на эту должность из корыстных побуждений [12. С. 86]. Уполномоченный министерства снабжения по Томской и Алтайской губернии Тыжнов приступил к исполнению своих обязанностей 13 сентября 1918 г. [13. 15 сент.]

При государственных уполномоченных на местах создавались совещания из представителей местных органов самоуправления, торгово-промышленных, кооперативных организаций и профсоюзов. Такие совещания должны были доводить потребности и интересы населения до уполномоченных. Правительство осознавало неспособность органов местного самоуправления и общественных организаций справиться с серьезной задачей обеспечения населения и армии продовольствием и сделало упор на концентрацию власти в руках государственных представителей. Однако на практике и совещания при уполномоченных не показали высокой эффективности, на них обсуждались вопросы о распределении поступающего продовольствия, но не планы будущих заготовок и проблемы населения. Также постепенно наблюдалось увеличение количества уполномоченных по разным вопросам. «Каждый из них получал определенные властные полномочия в распределительной системе и вносил свою долю хаоса в дело заготовок» [12. С. 87].

Особенно сложной и напряженной была ситуация в городах. Летом – осенью 1918 г. горожане ощущали сильный дефицит привозных продовольственных товаров, таких как чай, сахар. Также не хватало предметов повседневного обихода – керосина, спичек, табака, свечей и ниток. Такая ситуация серьезно сказывалась на настроениях населения и отношении к существующему режиму. По данным инструкторских отделов, отношение населения к ВСП в конце лета 1918 г. было неоднозначным: «За август месяц в Томском уезде посещено инструкторами 10 волостей, из которых только 5 волостей высказались определенно за поддержку Сибирского Временного Правительства. Остальные 5 относятся к правительству неопределенно и выжидательно: “Если правительство будет хорошо относиться к нам, говорят крестьяне, тогда мы его будем поддерживать”» [14. Л. 1]. Если в Томском уезде только 5 из 10 волостей выказывали неопределенное отношение к правительству, то в Новониколаевском из 25 опрошенных волостей 24 относились к нему с недоверием. Сообщая об этом, уездный инструктор отмечал, что в Новониколаевском уезде нужны не агитаторы и информаторы, а вооруженная сила. Отношение к власти зачастую определялось улучшением экономического положения населения, повышением уровня жизни и безопасности в обществе. Известный отечественный историк В.П. Булда-

ков отмечал: «Масса оставалась безразлична к институтам, ее волновали результаты, а не формы властвования» [15. С. 176].

На фоне крайне неблагоприятной социально-экономической ситуации в губернии Омский переворот и приход к власти адмирала А.В. Колчака 18 ноября 1918 г. не вызвал у населения бурной реакции. «Часть населения довольна, а другая недовольна и недоверчиво говорит: “министры друг друга арестуют и так может быть без конца”, – отмечалось в докладе уездного комиссара в губернский центр» [16. Л. 51].

С переменой власти произошли некоторые изменения в экономической сфере. 10 декабря 1918 г. была отменена государственная монополия на продовольственную торговлю. Государство оставляло за собой обязательство только по снабжению армии, население же получило возможность закупать продовольствие по рыночным ценам. Так, ситуация с продовольствием на некоторое время улучшилась: цены на рынке поднялись, что способствовало поступлению в продажу новых товаров. Однако в долгосрочной перспективе такая мера привела к совершенной дезорганизации рынка продовольственных товаров и мануфактур. Уже к лету 1919 г. наблюдался неконтролируемый рост цен и спекуляции. Управляющий Министерства продовольствия и снабжения в обращении к уполномоченному по продовольствию в губернии отмечал: «В последнее время цены на хлебпродукты неимоверно растут. Можно ожидать, что в настоящую летнюю кампанию цены поднимутся на такую высоту, что заготовка будет почти невозможна. Владельцы хлеба, учитывая поднятые цены, выжидают еще большего повышения, сокращая подвоз» [17. 31 мая]. Причину такого положения дел глава Министерства видел в неорганизованности заготовителей хлеба, их разрозненных действиях.

Эту же проблему отмечал в своем письме к главам губерний Отдел сельского управления Министерства внутренних дел. В связи с отсутствием на местах органов, способных организовать нормальную работу по обеспечению населения продовольствием, «ни в одном из центральных ведомств до самого последнего времени не имеется исчерпывающих сведений ни о размере постоянного клина по губерниям и уездам, ни об условиях произрастания хлебов и трав. При таких условиях судить, где и какой ожидается урожай, в каких районах и в каком размере, естественно является затруднительным» [Там же. 30 июля]. Так, отдел Сельского управления Министерства внутренних дел в обращении к управляющим губерниями отмечал, что «на местах в настоящее время нет аппаратов, которые бы могли достаточно организованно оказывать содействие населению в обеспечении его продовольственных нужд» [Там же. 31 мая].

Летом 1919 г. Правительство сделало ставку в решении продовольственной и других социально-экономических проблем на сильную местную государственную власть. Такие меры были связаны с общей тенденцией усиления правительственной вертикали власти. Что касается продовольственного вопроса, то управляющие губерниями должны были создать

на местах Временные губернские Междуведомственные совещания по продовольствию под своим председательством. В состав совещания должны были войти представитель Министерства снабжения и продовольствия, помощник управляющего губернией, начальник управления земледелия и государственных имуществ, заведующий переселенческим районом, прокурор окружного суда, председатель губернской земской управы, городской голова и непременный член губернского по сельским делам присутствия. Председатель получал право приглашать для участия в совещании осведомленных по тем или иным вопросам лиц. Задачей такого совещания было определить степень обеспеченности населения губернии продовольствием и вести надзор за деятельностью учреждений, созданных городскими и земскими управами. Управляющий губернией должен был получать сведения о состоянии посевов и результатах урожая со всей губернии и эти сведения направлять непосредственно в Министерство внутренних дел и другие вышестоящие инстанции. В случае плохого урожая управляющий должен был своевременно обращаться за ссудами, организовывать подворное обследование для составления нового плана продовольственной компании. В случае необходимости полагалась закупка продовольствия для обеспечения нужд губернии. Также совещанию полагалось следить за порядком продажи продуктов.

Однако уже осенью – зимой 1919 г. экономическая разруха в стране достигла своего предела. Те или иные действия власти на местах зачастую оказывались малопродуктивными. Распространенной проблемой была несвоевременная оплата поставок продовольствия из-за недостатка средств, также серьезные проблемы наблюдались в транспортировке уже заготовленного продовольствия. Ситуацию в Томске в полной мере характеризует письмо управляющего губернией Министру внутренних дел Гаттенбергеру: «В городе Томске хлеба нет [,] мельницы свыше недели стоят вследствие полного отсутствия зерна. Покупка хлеба Городской продовольственной управой [и] мукомолами, хотя производится, но за отсутствием разменной монеты развиваться не может, а закупленное не перевозится за неподачей вагонов, необходимы экстренные меры, иначе [в] городе будет голод со всеми его последствиями» [18. Л. 110], – писал Б.М. Михайловский. Управляющий обращался в высшую инстанцию за содействием в транспортировке уже закупленной в Алтайской губернии пшеницы, просил отпустить городу пшеницы из казенных запасов от 50 до 100 тыс. пудов. Также просил выдать мукомолам разрешенные ссуды, «непременно мелкими деньгами».

Управляющие губерниями должны были осуществлять личный непосредственный контроль над всеми местными органами власти в продовольственной сфере. По инициативе центральной власти главы губерний должны были также совершать объезд подконтрольных им территорий. Как писал министр внутренних дел В.Н. Пепеляев, в своем обращении к управляющим, «задача не теряя связи ...посетить наиболее ответственные сельские местности для авторитетных бесед [с] населением. Моя поездка по

Тобольской губернии убедила меня, что сельское население, не видя представителей высшей администрации не верит в ее существование. Такое отсутствие близости грозит чреватыми последствиями» [19. Л. 1]. В этом же письме глава Министерства внутренних дел говорил о том, что управляющие уездами, которые не были никогда в селах, «далее неприемлемы». В ответ на обращение В.Н. Пепеляева Томский губернский комиссар Б.М. Михайловский писал следующее: «Мной, также управуездом объезд губернии производился и ранее. Ныне безусловную необходимость возможно частых выездов управуездом подтверждаю. Лично вследствие массы дел требующей моего пребывания в Томске предполагаю выехать в конце будущей недели» [Там же. Л. 26].

Стоит отметить, что такие меры решительно не меняли ситуацию. Положение как горожан, так и сельских жителей продолжало ухудшаться. В декабре 1919 г. «Сибирская жизнь» сообщала, что прожиточный минимум возрос больше чем в четыре раза (с 439 руб. 91 коп. на 1 июня до 1712 руб. 40 коп. на 1 декабря) [20. 13 дек.]. Резко негативное отношение населения вызывали также злоупотребления властью на местах, разгул военных. Как отмечал Г.К. Гинс, «царство военщины возбуждало население, которое раньше безразлично относилось к формам власти» [11. С. 312]. Именно такие местные проявления политики власти формировали негативный образ Правительства в глазах народа.

Также зимой 1919 г. ситуация значительно осложнилась общим ухудшением положения дел на фронте – нарастало партизанское движение, белая армия вынуждена была отступать вглубь Сибири. Государственная власть постепенно самоустранилась от решения насущных проблем населения. Однако именно нерешенность основных социально-экономических проблем привела к полной потере общественного доверия и поддержки и в конечном итоге к падению режима. В общественной среде наблюдались крайняя усталость от войны, неуверенность в завтрашнем дне и, как следствие, озлобленность и агрессия по отношению к представителям власти. Люди хотели стабильности, нормализации ситуации с продовольствием, жильем и решения других насущных проблем. Власть же требовала выплаты налогов и недоимок, соблюдения порядка и законности, в то время как сама не могла обеспечить население необходимыми гарантиями безопасности и нормального существования. Можно говорить о том, что в обществе установилась политическая апатия, люди сосредоточились на решении собственных проблем и элементарном выживании. Как отмечал кемеровский исследователь С.П. Звягин, «почти в каждой деревне шла собственная гражданская война, временами фокусировавшаяся на проблемах, ничего не имеющих общего ни с идеологией белых, ни с идеологией красных» [21. С. 276]. В последние месяцы существования небольшевистской власти в Сибири управляющий губернией Михайловский в своем докладе в Омск отмечал, что «ожидаемого и желанного порыва к защите своей родины от надвигающегося большевизма совершенно незаметно» [Там же. С. 277].

Можно говорить о том, что как Временному Сибирскому правительству, так и сменившему его Российскому правительству А.В. Колчака также не удалось предложить адекватный ситуации механизм решения продовольственной проблемы.

В заключение необходимо отметить, что в ходе реконструкции региональной политика государственной власти в продовольственной сфере на губернском и уездном уровне автором выявлены конкретные практики решения поставленных центральной властью задач. ВП была предпринята попытка выйти из продовольственного кризиса посредством привлечения к принятию решений широкой общественности, однако в скором времени это привело к большей дезорганизации и полной потере контроля над ситуацией. Правительство сделало ставку на органы местного самоуправления, однако они только начинали формироваться и осваиваться на сибирской почве, так как земства и многочисленные комитеты не справились с возложенной на них задачей. Осознавая это, представители местной государственной власти пытались сосредоточить контроль над продовольственной политикой в своих руках путем создания специальных органов на местах. В этой связи можно говорить о наметившейся централизации власти в продовольственной сфере. Эта тенденция была вскоре поддержана правительством, которое предприняло попытку передать функции контроля и распределения продовольствия вновь созданному коалиционному органу, который подчинялся ему напрямую. Однако эта мера была запоздалой и не получила должного развития.

Сменивший ВП Западно-Сибирский комиссариат, затем Временное Сибирское правительство, осознав полную неспособность органов местного самоуправления справиться с серьезной задачей снабжения населения и армии, сделало ставку на государственных представителей на местах – государственных уполномоченных. Можно говорить о том, что центра-

лизация в продовольственной сфере в этот период политически институционализировалась: был создан институт государственных уполномоченных по продовольствию и снабжению, который подчинялся Министерству продовольствия. Однако деятельность уполномоченных также не показала высокой эффективности – постепенно увеличивалось их количество по разным вопросам, дублировались функции. Стремительное ухудшение продовольственной ситуации требовало экстренных мер. Колчаковское правительство, осознав неспособность демократических институтов, предприняло попытку справиться с ситуацией за счет упрочнения государственной властной вертикали. Функции контроля над органами власти в продовольственной сфере были закреплены за управляющим губернией. Однако социальный и экономический кризис стремительно разрастался, и все действия властей оказывались малопродуктивными.

Можно говорить о том, что ни одному из правительств, существовавших на территории Сибири на протяжении 1917–1919 гг., не удалось выстроить аппарат управления в продовольственной сфере, отвечающий потребностям кризисного периода, наладить эффективный механизм проведения в жизнь государственных решений, а также выработать продуманную и жизнеспособную программу по выходу из кризиса. Небольшевистские власти всячески стремились обозначить четкую грань между своей политикой и действиями большевиков. Намеренно подчеркивалось нежелание идти по большевистскому пути жесткого государственного регулирования, которое, по их мнению, сулило всяческие беды и лишения. Однако белые правительства не смогли предложить обществу привлекательную и жизнеспособную идею, которая смогла бы объединить общество, сплотить его. Комплекс этих факторов стал главной причиной падения каждого из рассмотренных политических режимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журов Ю.В. Гражданская война в Сибирской деревне. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 196 с.
2. Рынков В.М. Социально-экономическая политика антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 гг.). Новосибирск : [б.и.], 2008. 438 с.
3. Луков Е.В. Взаимоотношения центральных и местных органов власти при Западно-Сибирском комиссариате и Временном Сибирском правительстве (на примере Томской губернии) // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 12 : сб. статей. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 122–126.
4. Шевелев Д.Н. Сибирский город под властью антибольшевистских правительств: повседневная жизнь и политическая пропаганда // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 90–94.
5. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
6. Голос свободы (Томск). 1917.
7. Чудаков О.В. Продовольственный вопрос в деятельности городского общественного управления в Сибири в межреволюционный период (февраль – октябрь 1917 г.) // Омский научный вестник. Омск : Омский государственный технический университет, 2014. С. 42–45.
8. Гражданин офицер (Томск). 1917.
9. Гордеев О.Ф. О налоговой системе в аграрном секторе во времена Колчаковщины // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Ч. 2 : тез. докл. и сообщ. науч. конф. Иркутск : [б.и.], 1994. С. 15–17.
10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 11.
11. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М. : АЙРИС-пресс, 2008.
12. Рынков В.М. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.) : сб. науч. трудов. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004.
13. Сибирская жизнь (Томск). 1918.
14. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 179.
15. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997.
16. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 28.
17. Вестник Томской губернии (Томск). 1919.
18. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 22.

19. ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 120.
20. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
21. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 февраля 2016 г.

PROVISION SUPPLY ON THE LOCAL LEVEL AS A FACTOR OF POLITICAL REGIME STABILITY DURING THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR: THE TOMSK PROVINCE (FEBRUARY 1917 – DECEMBER 1919)

Tomsk State University Journal, 2016, 405, 86–93. DOI: 10.17223/15617793/405/11

Kozlova Dina S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dina.my-mail@yandex.com

Keywords: Civil war; Siberia; Tomsk province; question of provision supply; provincial authority.

In the conditions of revolutionary cataclysms the regional level of political authorities was a key link of the state system of all political regimes, including the White governments of the Russian East. It was on the regional level in particular that the most acute political, social and economic issues concentrated. The question of providing people and the army with provision was one of the most serious that the local administration had to solve during this period. At the same time, the main challenge for local authorities was mobilization of all society resources for a military victory, and also for the normal functioning of government. The success of the policy of the political regime depended on the ability of local administration to solve the most burning issues, to provide stable functioning of society, its political and social institutes. It also depended on the abilities not to lose touch with people. The main challenge for the local authority of the revolutionary time was the reconstruction of normal social life functioning. The Provisional government continued the policy of imperial administration on the expansion of the state regulation of economy. The main place in the process of provision supply was assigned to new democratic structures – provision committees. However, the work process of new democratic structures was seriously complicated by their large number, and incompetence and deficiency of employees. The attempt of local public authorities to put process of provision preparation under control did not change the situation fundamentally. Intervention of the central authorities in food policy on places was inevitable; however, this measure was overdue and did not make the expected success. The West Siberian commissariat and The Provisional Siberian government faced with the absolute inability of local self-authorities to cope with the serious problem of provision supply of the population and the army. During this period, the power centralization in the provision sphere was politically institutionalized. A new state structure was founded: the Institute of the State Commissioners on Provision and Supply which was subordinate to the Ministry of Food. However, the work of state commissioners did not show high efficiency: their number on different questions gradually increased, functions were duplicated. Fast changes for the worst in the provision sphere demanded emergency measures from the government. A.V. Kolchak's government, realizing the incapacity of democratic institutes to deal with all economic problems, made an attempt to cope with this situation by strengthening the state power vertical. The control functions over the local authorities in the food sphere were assigned to the province governor. Neither of non-Bolshevik governments in Siberia managed to form an effective system of provincial authorities and an effective mechanism of implementing state decisions, and also to develop a well-weighted and viable program for recovery from the crisis.

REFERENCES

1. Zhurov, Yu.V. (1986) *Grazhdanskaya voyna v Sibirskoy derevne* [The civil war in the Siberian village]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
2. Rynkov, V.M. (2008) *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv na vostoke Rossii (vtoraya polovina 1918 – 1919 gg.)* [Socio-economic policy of anti-Bolshevik governments in the east of Russia (second half of 1918 – 1919)]. Novosibirsk.
3. Lukov, E.V. (2002) *Vzaimootnosheniya tsentral'nykh i mestnykh organov vlasti pri Zapadno-Sibirskom komissariate i Vremennom Sibirskom pravitel'stve (na primere Tomskoy gubernii)* [Relations between central and local authorities in the West Siberian commissariat and Siberian Provisional Government (on the example of the Tomsk province)]. In: Sumarokova, V.S. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Regional Museum]. Vol. 12. Tomsk: Tomsk State University.
4. Shevelev, D.N. (2009) A Siberian city under the power of antibolshevist governments: everyday life and political propaganda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 327. pp. 90–94. (In Russian).
5. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
6. *Golos svobody*. (1917).
7. Chudakov, O.V. (2014) Food problem and activity of municipal public management in Siberia in inter-revolutionary period (February–October 1917). *Omskiy nauchnyy vestnik*. 2(126). pp. 42–45.
8. *Grazhdanin ofitser*. (1917).
9. Gordeev, O.F. (1994) [On the tax system in the agricultural sector in times of Kolchak]. *Baykal'skaya istoricheskaya shkola: problemy regional'noy istorii* [Baikal historical school: problems of regional history]. Proceedings of the conference. Pt. 2. Irkutsk. pp. 15–17. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-166. List 1. File 11. (In Russian).
11. Gins, G.K. (2008) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povоротный момент russkoy istorii. 1918–1920* [Siberia, allies and Kolchak. The turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow: AYRIS-press.
12. Rynkov, V.M. (2004) *Gosudarstvennye prodovol'stvennye zagotovki v Sibiri v 1914–1919 gg.* [State food harvesting in Siberia in 1914–1919]. In: Il'inykh, V.A. (ed.) *Nalogi i zagotovki v sibirskoy derevne (1890–1920-e gg.)* [Taxes and harvesting in a Siberian village (1890–1920-ies)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. *Sibirskaya zhizn'*. (1918).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 179. (In Russian).
15. Buldakov, V.P. (1997) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red turmoil. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN.
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1362. List 1. File 28. (In Russian).
17. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1919).
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-148. List 1. File 22. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-148. List 1. File 120. (In Russian).
20. *Sibirskaya zhizn'*. (1919).
21. Zvyagin, S.P. (2001) *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [Law enforcement policy of Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

Received: 24 February 2016